

ТЕМА НОМЕРА:

Работа или жизнь?

Что общего между мигрантом и творческим работником?

В повседневной жизни эти две категории людей едва ли пересекаются. Отличаются их маршруты внутри города, распорядок дня одних не похож на распорядок дня других, часто они едят разную пищу и носят разную одежду.

Подразумевается, что одни заняты физическим трудом, а другие – творческим. Подразумевается, что труд одних отчужден, других – совпадает с самореализацией и самовыражением.

Подразумевается, что у тех, кто занят тяжелым физическим трудом, кто работает гораздо больше, чем положено по Трудовому кодексу, у тех, для кого выйти на улицу – это риск быть задержанным полицией или подвергнуться расистским нападкам, нет ни времени, ни сил заниматься искусством, а те, для кого искусство – это профессия, свободны делать, что хотят. Но так ли это на самом деле? Ведь, в попытках уложиться в график и успеть за неумолимо надвигающимися дедлайнами, искусство рискует потерять свою бесшабашность и уподобиться любому другому производству в условиях экономической гонки.

Во время наших встреч-конкурсов мы много говорили о рисках и особенностях ненормированного труда. Ни трудовые мигранты, ни художники не могут рассчитывать ни на оплачиваемый отпуск, ни на больничный или пенсию. И те, и другие жадно хватаются за работу и часто доводят себя ей до изнеможения. Самоэксплуатация стала нашей общей чертой. Наша жизнь становится нашей работой, а наша работа – нашей жизнью. Работа просачивается во все области нашей жизни, включая дружбу, любовь и сон. Пожалуй, это происходит еще и потому, что нашим трудом движет вера в возможность иного, лучшего будущего или параллельной реальности, будь то образование для ребенка, постройка нового дома, усовершенствование общества через поиск истины языка и формы или создание анклавов причудливых фантазий и несбыточных мечт. Можно ли залить топливом этих надежд и иллюзий в другой механизм общественного устройства? Могут ли иначе сопрягаться труд и творчество?

Мы пытались найти мигрантов, совмещающих заработок с занятиями искусством. В этом номере мы публикуем интервью и рассказ Илхамжана Абдукахарова, которому удается зарабатывать на жизнь физической работой и выступать в спектаклях Всеволода

Лисовского «Акын-Опера», делаясь со зрителями впечатлениями от жизни трудового мигранта.

Одной из самых интересных находок для нас стало знакомство с новым жанром народного рабочего творчества, получившим в Интернете название «Узбек-прикол». Он представляет собой реэнтмент популярных музыкальных клипов или сценок из болливудских фильмов. Не покидая рабочих мест, строители или сотрудники кухни переприспосабливают рабочие инструменты, «превращая» их в музыкальные и имитируя исполнение музыки, снимают новые

A Horse: "We've been working for eight hours now, how about we get some beer?"

A Donkey: "You can horse-around if you want to, but I have to work the twelve-hour donkey shift!"

версии клипов на мобильные телефоны. Как выяснилось, аналогичными практиками занимаются и рабочие в Латинской Америке. Таким образом, мы можем говорить о новом глобальном культурном феномене, о синхронной приостановке отчужденной работы и превращении ее в творчество посредством ее же инструментов. Возможно, даже не подозревая о существовании друг друга, рабочие из разных стран на разных континентах совершают одни и те же действия по превращению наемного труда в свободное от законов и экономики культуриндустрии искусство. Этот Интернационал Обеденного Перерыва приоткрывает перед нами, творческими работниками и рабочими физического труда, по-настоящему революционную перспективу.

THIS ISSUE'S FOCUS:

Your Work or Your Life?

What do migrants and artists have in common?

In their everyday lives, these two groups rarely ever interact. They take different routes around the city, the daily routine of one is very different from the other, they even eat different kinds of food and wear different types of clothing.

It is implied that one of these groups is doing physical labor, while the other is doing creative work. It is implied

like any other form of production-line labor?

During our meetings and the discussions that we held as part of our Contest, we talked about the risks and features of unstandardised labor. Neither migrant laborers nor artists can expect paid vacations, sick-leave, or pension plans. Both groups grab wildly at any work they can get, often driving themselves to exhaustion in the process. Self-exploitation is a trait we both have in common. Our lives become our work, our work becomes our life. Work enters every area of our lives, including friendship, love and sleep. It may be also the case, because our work is motivated by faith, and hopes for a better future, or else a parallel reality, whether that be getting an education for one's child, or building a new home, or perfecting society by searching for truth in language and form, or the creation of enclaves of whimsical fantasy and castles in the air.

Could these hopes and illusions help create a new societal structure? Is it possible for art and labor to interact in new ways?

We tried to find migrants who were able to combine labor and art work. In this issue, we publish an interview and story by Ilhamjan Abdukaharov, who makes his living doing physical labor and performs as part of Vsevolod Lisovsky's "Aqyn-Opera", sharing his experiences as a migrant laborer with audiences.

One of the most interesting discoveries for us during the research for this issue became a new genre of folk art referred to in Internet as "Uzbek LOL". This genre is defined by the reenactment of popular music videos or scenes from Bollywood films. Without leaving their work stations, construction workers or food processors readapt their work tools, turning these tools into musical instruments and imitating the instrument's use in performances which they film on mobile phones. It turns out, laborers from Latin America practice similar forms of performance. Thus, we are in fact, witnessing a global cultural phenomenon, the transformation of physical labor into creative work by means of its very own tools. Laborers, perhaps without any prior knowledge of one another, from different countries and different continents are involved in the transformation of hired labor into new art form that is free from laws of cultural industry economics. This Lunch Break International opens new and revolutionary prospects for both of us: artists and physical laborers.

that the labor of one of these categories is alienated, while that of the other is about self-realisation and self-expression.

We assume that those whose work involves hard labor, who work for longer than they should according to the labor code and for whom the simple act of going outside means risking being detained by the police or falling victim to racist attack, don't have the time or the strength to do art; whereas those who make their living doing art are free to do as they please. But is this really the case? In the process of keeping up with a schedule, meeting mercilessly approaching deadlines in conditions of an economic race, doesn't art risk losing its free-spirited recklessness and becoming

Интернационал обеденного перерыва

The Lunch Break International

Несостоявшееся интервью

О жанре пародий на видеоклипы, которые снимают рабочие, нам написали ведущие специалисты в области современной музыки, кино, поэзии. Российская художественная среда была глубоко впечатлена этим открытием. Мы захотели дать слово главным героям, однако их будто след простыл: несмотря на продолжавшиеся многие месяцы поиски, редакция так и не смогла найти, как ни разыскивала, ни одного «музыканта» или «режиссера» видеоклипов...

Мы публикуем спор редакторов о том, почему так вышло.

Ольга Житлина: Мы на самом деле приложили много усилий к тому, чтобы разыскать создателей видеороликов, расспрашивали всех знакомых и их знакомых, разместили объявления на сайтах и в газетах, но все безрезультатно: до сих пор неизвестны даже имена людей, принявших участие в создании этих видео. Думаю, это сознательная тактика, она связана с боязнью мигрантов нарваться на агрессию соотечественников. Наряду с большим количеством восторженных комментариев к видео мне попадались на глаза и крайне негативные. Сложно поверить, но этих остроумных талантливых ребят обвиняют в том, что они «позорят свою нацию». Поэтому

можно понять, что многие просто не желают себя обнаруживать.

Игорь Кравчук: Я подозреваю, здесь есть какой-то скрытый смысл, творческое задание, положенное в основу роликов. Для большинства столичных обывателей мигранты — это масса, обезличенная рабочая сила, либо игнорируемая, либо раздражающая. В этих забавных видео мигранты словно бы возвращают себе лица и обретают собственный голос. И при этом они анонимны. Безымянные шутники в одно и то же время высмеивают вкусы горожан (безо всякого основания считающих себя в культурном отношении выше приезжих, только потому, что они — местные), пытаются обрести место в новом для себя культурном ареале и не оборвать связей со своим домом, со своим классом, ведь если бы они, подобно героям многих популярных роликов, начали зарабатывать на меме символический или реальный капитал, откликаясь на запросы заинтересованных пользователей (подобно, скажем, Тolibжону Курбанханову, опубликовавшему хвалебную песню про Путина), они бы вписались в стереотип «провинциала, покоряющего столицу».

О. Ж.: Игорь, я думаю, причины гораздо более прозаические: мигранты совершенно обоснованно не доверяют масс-медиа, которые в большинстве случаев представляют их в негативном свете.

И. К.: Может быть, но меня больше увлекает версия о том, что это сознательный отказ от публичности. Ведь здесь же важно, что это не шоу-бизнес, а удовлетворение естественной потребности обыкновенного человека в творчестве, в увлекательном хобби, скрашивающем дни, заполненные изнурительной и плохо оплачиваемой работой. Анонимность видео — своего рода послание: «Так может каждый из нас!»

The Interview That Didn't Happen

Leading experts in the fields of contemporary music, cinema, and poetry have sent us commentaries on the genre of parody music videos shot by workers. The Russian art scene was deeply impressed by this discovery. We wanted to give the floor to the people behind the videos, but they seem to have vanished without a trace. Despite many months of searching, the editors have not been able to find, however hard they looked, any of the “musicians” or “directors” of the music videos...

Instead, we publish here an argument between the editors about why this happened.

Olga Jitlina: We really put a lot of effort into tracking down the makers of the videos. We asked all our friends and all our friends' friends, and we put ads on websites and in newspapers, but all to no avail. We still don't even know the names of the people involved in making these videos. I think this is a deliberate tactic that has to do with the migrant workers' fear of running into aggression from their compatriots. Along with the many enthusiastic comments to the videos, I also came across extremely negative ones. Hard to believe, but these witty talented guys are accused of being a “disgrace to our people.” So we can imagine that many of them simply don't want to expose themselves.

Igor Kravchuk: I suspect there is some hidden meaning, some creative objective reflected in these videos. For the majority of the inhabitants of Moscow and Petersburg, migrant workers are a faceless crowd, an impersonal workforce they either ignore or find annoying. In these funny videos, the migrant workers seem to regain their faces and find their own voices. And yet they are anonymous. The nameless jesters send up the tastes of city dwellers (who baselessly consider themselves culturally superior to the migrants, if only because they are locals) while also trying to find a place for themselves in a new cultural habitat without breaking ties with their home, with their class. Because if they had, like the people behind many popular videos, begun making symbolic or real capital on the meme by responding to the requests of interested users (as, for example, Tolibjon Kurbanhanov, who in 2012 posted a music video on YouTube singing the praises of Vladimir Putin), they would fit the stereotype of the country boy who conquered the big city.

Jitlina: I think the reason is much more commonplace. The migrants rightly mistrust the mass media, which mostly shows them in a negative light.

Kravchuk: Maybe, but I am more attracted by the hypothesis that this is a conscious rejection of publicity. After all, it matters here that this is not show business, but the satisfaction of the ordinary person's natural need to create, to have a fascinating hobby that brightens days filled with grueling and poorly paid work. The anonymity of the videos is a kind of message: “Any of us can do this!”

Реванш простого человека

Кирилл Разлогов, киновед

Стихия самодельного экранного творчества в Интернете, и особенно в YouTube, трансформирует видовой, жанровый и тематический диапазон произведений, будучи своеобразным противовесом большим телевизионным и видеосериалам, находящимся в последние десятилетия в центре зрительского внимания. В этом контексте жанр «узбек-прикол» занимает ключевое место, поскольку сочетает в себе региональную культурную специфику, опыт популярного узбекского кинематографа, завладевшего вниманием массовой национальной аудитории и занявшего место Болливуда в центральноазиатской части СНГ, эстетику видеоклипа, и парадоксальную близость постмодернистскому стебу, который иные мои коллеги поспешили назвать устаревшим. Можно сказать, что ключ к популярности этого жанра, так много берущего от массовой культуры (в том числе, от развлекательной стихии караоке), — в культурном реванше простого человека из рабочего класса.

The Revenge of the Common Man

Kirill Razlogov, a film scholar and cultural critic

The spontaneity of amateur screen art on the Internet, especially on YouTube, has transformed the visual, generic, and thematic range of works that have acted as a kind of counterbalance to the TV and video serials, which have been at the center of the viewer's attention in recent decades. In this context, the “Uzbek spoof” genre is a key element, as it combines regional cultural identity, the know-how of the popular Uzbek cinema (which has gained a mass national audience and supplanted Bollywood in the Central Asian part of the CIS), the music video aesthetic, and a paradoxical kinship to postmodern parody that some of my colleagues have been quick to dub obsolete. We can say that the key to the popularity of the genre, which borrows so much from mass culture and the entertaining element of karaoke, lies in the cultural revenge it affords the common man from the working class.

Смешно подумать, или Как рабочему-мигранту преодолеть отчуждение труда с помощью мобильного телефона

Павел Арсеньев, поэт, филолог, художник

Что может быть дальше друг от друга, чем перформативные искусства и отчужденный труд? Чем культурная индустрия и рабочие мигранты на стройке? И наконец, чем легендарно-героический авангард и YouTube-ролик, снятый на телефон?

Между тем всё это соединяется в новом культурном объекте, который точнее всего было бы отнести к квази-жанру интернет-мемов, явления, расположенного на трансмедиальной границе, подчиненного скорее (социо)лингвистической, чем пластической логике. Чтобы понимать, о чем идет речь, лучше сразу посмотреть несколько роликов.

Итак, рабочие на стройке оставляют свое привычное дело и принимаются за коллективное творчество. Здесь есть несколько маршрутов для мысли.

1) Они делают это, скорее всего, в свободное от работы время, в тот редкий момент, когда еще должны находиться на стройке, но уже могут не работать. То есть, вероятно, в обеденный перерыв. Тем самым, в точности по Малевичу, рабочие отвергают «харчовый принцип» («Супрематизм. Мир как беспредметность, или Вечный покой») и тратят свое свободное время на искусство.

2) Они демонстрируют разрыв между творчеством и трудом (но одновременно намечают пути преодоления этого разрыва), с одной стороны, отрицая свой статус отчужденных работников, с другой – демонстрируя скрытую отчужденность нематериального труда (в частности музыкального исполнителя).

Творчество, как принято считать, есть тип неотчужденного (в идеале) труда, в котором продукт неутилитарен и тождествен процессу производства. Отчужденный труд – это то, что всегда во всем противоположно творчеству. Дом, строящийся рабочими, существует не для самих рабочих, отдельно от них, а процесс создания «клипа» управляется ими, клип неутилитарен, он снимается *для-себя*. Но, легко переключаясь с одного вида деятельности на другой, авторы видео одновременно выражают родовую творческую природу труда и демонстрируют доминирование в современности определенного типа труда (нематериального, мультимедийного). Тем самым они «критикуют» тех нематериальных работников, которые, монополизировав средства производства, не могут или не хотят «развивать их в духе социализма» (Беньямин, «Автор как производитель»).

3) Отрицая свой статус угнетенного (в обоих смыслах – только еще борясь с ним и констатируя фактическое его уже отсутствие), авторы клипов одновременно соглашаются с этим статусом на другом уровне. Они позволяют понимать их прагматическое действие как признание культурной сверхдетерминации образа, и следовательно, как признание своего подчиненного положения по отношению к господствующему типу (культурного) производства-потребления. То есть они фактически констатируют принятие этого образа и стремятся ему соответствовать. Если они просто стремятся от труда к творчеству, они нам нравятся: они – прогрессивная фигура пролетарской чувственности и все такое, но как только они начинают творить, становятся понятно, что они подчинены самым дурным представлениям о вкусе. И вот нам уже *смешно подумать*, что мы могли принять это за переопределение отношений отчужденного труда и творчества, но одновременно позволяет это предположение додумать и произнести вслух.

4) Эти видеоролики сообщают нечто важное по поводу технико-коммуникативного оснащения господствующего типа творческого высказывания. Современная риторика (само)критики искусства и сами диспозитивы новых медиа таковы, что позволяют одному и тому же жесту быть прагматически

расфокусированным: утверждать и отрицать одно и то же – отчужденный или, наоборот, неотчужденный статус исполнителей. Это колебание высказывания или стереоскопия, создаваемая такого рода объектом, позволяет сосуществовать таким действиям, как «бунтовать», «расшатывать определенность собственной позиции» и в то же самое время еще и «утверждать отрицаемое положение вещей на другом уровне». Таким образом, мы оказываемся не в состоянии окончательно определить иллюкутивный статус этого объекта.

5) Они технически преобразуют свои орудия труда (которые, как мы помним, могут также превращаться в оружие классовой войны) в инструменты творчества, сбриколировав их, то есть соорудив машины творчества из непригодных для того обломков всего-чего-попало. Строительный мусор плюс средство связи с родными дают в сумме эффективную производственную констелляцию для подкаст-трансляции.

Таким образом:

А) В центре этого неузнанного всплеска производственнической традиции (могли бы Шкловский с Третьяковым представить мигрантов в робах, на крыше, воплощающих их теоретический проект? А почему бы и нет?) находится идея труда, обретшего форму культурной борьбы с помощью новейших медиариторических находок. Открывая в самом своем нехитром труде исток творческого отношения к процессу и оплодотворяя этим новым творчеством свою повседневную производственную практику, рабочие изобретают точку говорения народа-становящегося-революционным. То есть изобретают авангардную технику высказывания (не только оригинальную по форме, но и пользующуюся массовой популярностью), а также соответствующую современным производственным условиям инстанцию взгляда изнутри опыта угнетенного, в распоряжение которого при этом попадают новейшие медiateхнические средства.

В) Они демонстрируют фактический отрыв искусства от народа, но тут же карнавально его преодолевают и предъявляют конкретные способы, которыми можно заново утвердить идею культуры масс на месте массовой культуры. По крайней мере, в этом они полностью отвечают понятию авангарда как творения другой реальности, пусть это творение и противоречит хорошему вкусу. Кроме того, в качестве культурных объектов, сами по себе, эти клипы снимают оппозицию между профессионализмом автономии искусства и китчем, каковая является идеологической конструкцией буржуазной идеологии. Именно на это и была направлена работа производственного искусства.

С) Если исторически производственники столкнулись с революционной необходимостью оставить кисти и встать за станок, то современный «Юго-ЛЕФ» нащупывает революционность противоположной стратегии. Они «перековыывают» гаечные ключи на барабанные палочки. После того как первые футуристы столкнулись с неизбежностью сохранения идеологии как логики самих означающих, стало очевидно, что нужно не противопоставлять труд спекулятивности языка, но, наоборот, сближать его с работой высказывания.

Funny to Think, or, How Migrant Workers Can Overcome the Alienation of Labor with a Mobile Phone

Pavel Arsenev, a poet, literary scholar, and artist

What could be farther apart than the performative arts and alienated labor, the culture industry and migrant workers at a construction site, and, finally, the legendary, heroic avant-garde and YouTube videos shot on mobile phones?

All these things converge in a new cultural artifact best described in terms of the meme, which in itself is a noncanonical quasi-genre, situated on the transmedial frontier, that conforms sooner to a sociolinguistic logic than a figurative logic. In the language of the ancients, the meme is a category or a universal. It exists as entities and types, and at the same time is inseparable from specific examples. So you should probably watch a couple of the videos to understand what I am talking about.

Construction workers set aside their usual work and engage in collective creativity. There are several ways to think about this.

1. They are probably doing this in their free time, during rare moments when they still have to be at the construction site but do not have to work, most likely during their lunch breaks. Nevertheless, completely in keeping with Malevich, they reject what he called the “nutritive principle” and spend their free time making art.

2. They show the gap between creativity and labor, as well as ways of overcoming it, by denying their status as alienated workers, on the one hand, while underscoring, on the other, the hidden alienation of immaterial labor, in particular, of musical performers.

What makes creativity different from labor is that, ideally, it is a type of non-alienated labor whose products are non-utilitarian and actually coincide with the labor process itself (the privileged nature of artifacts that coincide with themselves) or are localized within it. Alienated labor, on the contrary, is something always opposed to creativity in every way. The house being built by the workers is not being built for them and exists apart from them, while they are in control of making the video. It is non-utilitarian and exists *for itself*.

Easily shifting towards the second type of endeavor, the workers immediately express the generic, creative nature of labor and showcase the immaterial, multimedia type of work that dominates the present, thus critiquing those immaterial workers who in no way develop the means of production in the “spirit of socialism,” monopolizing them instead.

3. While denying their status as the downtrodden (in both senses: while still struggling against this status and acknowledging its actual absence), they simultaneously consent to it on another level by allowing us viewers to understand their pragmatic action as recognition of the archetype’s cultural overdetermination and, as a consequence, of their subordinate position vis-à-vis the prevalent type of cultural production/consumption. We thus can also understand their action as faith in this type of production/consumption and desire for

it, that is, we can see them as figures of the rejected slave. If they still strive to make the leap from work to creativity, we like them: they are progressive figures of the proletarian sensibility. But as soon as they begin creating, it becomes clear that they are bound by the worst sense of taste, and we find it *funny to think* that we could have imagined this as a redefinition of relations between labor and creativity. At the same time, however, their performance helps us to figure this out and say it aloud.

4. The workers tell us something important about the techno-communicative equipment of the dominant type of work/creativity itself. The very ambiguity of the contemporary rhetoric of self-critical art and the dispositifs of the new media themselves are such that one and the same gesture can be pragmatically defocused. The same thing can be both affirmed and denied: the alienated or, conversely, the non-alienated status of the performers. The oscillating utterance or stereoscopic optic suggested by this kind of artifact allows the coexistence of such actions as “rebellious against” and “shaking the certainty of one’s personal stance,” as well as “reaffirming the same thing on a different level.” We are thus unable to decide the artifact’s illocutionary status.

5. They convert their *work tools* (which, as we know, can also be turned into weapons of class warfare) into *instruments of creativity*, or they fashion them through bricolage, meaning that they build creativity machines from unfit scraps and shards of whatever comes to hand. Construction waste plus a means of communicating with loved ones adds up to the most modern constellation for producing podcasts.

A. At the center of this modern, unrecognized outburst of the Productionist tradition stands the idea of labor taking the shape of a cultural struggle armed with the latest innovations in media and rhetoric. (Could Shklovsky and Tretyakov have imagined migrant workers in coveralls on a roof as the embodiment of their theoretical project? And why not?) Discovering in their guileless labor itself the source of a creative attitude to process and fertilizing their daily work practice with creativity, they have devised a point of articulation for the people-becoming-revolutionary, that is, by devising a rhetorical procedure that is avant-garde (meaning, not only formally original but also massively successful communicatively), as well as a stance, contemporary with the conditions of production, situated within the experience of the oppressed (rather than that of the oppressors), who at the same time are media and technically savvy.

B. They highlight the virtual separation of art from the people, but immediately overcome it in carnivalesque fashion and suggest specific means of reconquering the idea of a mass culture. At least in this wise they completely satisfy the notion of the avant-garde as the creation of another reality, even if it is contrary to good taste. In addition, as cultural artifacts, these videos in and of themselves abolish the opposition between the professionalism of autonomous art and mass kitsch, which is a bourgeois ideological construct. The work of Productionist art was directed exactly against this divide.

C. Whereas, historically, the Productionists faced the revolutionary necessity of throwing down their paintbrushes and going to work on the shop floor, today’s South LEF is testing the opposite strategy for its revolutionary potential. They are reforging their wrenches into drumsticks. After the first Futurists faced the inevitability of preserving ideology as the logic of signifiers as such, it became obvious that we must not oppose labor to the language of theory, but, on the contrary, bring work and utterance together.

Видеоклип – магическая реальность

Сергей Невский, композитор

Видеоклип – магическая реальность, в которой все возможно. У его героев нет возраста и на них, как правило, не действуют законы физики. Пространство вокруг поющего протагониста меняется как по мановению волшебной палочки, и мы доверяем автоматизму этой магии, находим в ней нечто успокаивающее. Когда-то для меня было невероятным шоком узнать, что некоторые самые завораживающие видеоклипы сделаны не на компьютере, а являются своего рода ручной работой: их съемка выполнялась при помощи ассистентов и была построена на простых кинематографических трюках, доступных еще Хичкоку. Так, в клипе «Jamiroquai» «Virtual Insanity», снятом великим Джонатаном Глейзером, целая армия ассистентов двигала по съемочному павильону каркас из стен и потолка так, что у зрителя создавалась иллюзия, будто движется сам пол.

В не менее знаменитом клипе Пола Маккартни «Dance Tonight» (режиссер – Мишель Гондри) волшебные эльфы и духи, смущающие почтальона, – не продукт компьютерной графики, а блики, отражения актеров в обычных оконных стеклах: ассистенты держат их под заданным углом и в правильном освещении. Тем не менее, ценность любого клипа в способности режиссера создать совершенно особое пространство: клип моделирует ситуацию, которую, кажется, невозможно воспроизвести. «Не пытайтесь повторить это в домашних условиях» – этот титр предваряет знаменитый клип «We Are Your Friends» группы «Justice vs. Simian's», представляющий собой растянутый на две с половиной минуты каскадерский трюк.

Тем удивительнее, что, вопреки этим предостережениям, желающих повторить становится все больше. Скорее всего, первыми практику реэнтмента (повторения в иных условиях) видеоклипов простыми зрителями освоили в Индии. На рубеже тысячелетий огромное количество болливудских мюзиклов снималось в Швейцарии. В результате войны в Кашмире болливудские съемки пришлось перенести в эту европейскую страну. Ландшафты Швейцарии, особенно окрестности Берна, напоминали режиссерам и зрителям Кашмир, где традиционно снимались танцевальные сцены, отсылающие к индуистской мифологии. Вскоре жители Берна привыкли к огромным туристическим группам, воспроизводящим на улицах сложные хореографические композиции из наиболее популярных фильмов. Что в свою очередь было тематизировано следующим эшелон индийских режиссеров.

A Music Video Is a Magical Reality

Sergei Nevsky, a composer

A music video is a magical reality in which anything is possible. Its protagonists are ageless and exempt, as a rule, from the laws of physics. The space around the singer changes as if by magic, and we trust this magic's automatism; we find something soothing about it. It was an incredible shock for me to learn that some of the most fascinating music videos were not made on a computer, but were the result of manual labor. They were filmed using assistants and were based on cinematic tricks available way back in Hitchcock's day. So, in the video for Jamiroquai's "Virtual Insanity, filmed by the great Jonathan Glazer, a whole army of assistants moved a framework of walls and ceiling around the film set so viewers would be under the illusion the floor itself was moving.

In the no less famous video of Paul McCartney's "Dance Tonight" (Michel Gondry, director), the magical elves and spirits that trouble the postman are not the products of computer graphics but ghost images, reflections of the actors in ordinary window panes, which assistants held at a predetermined angle and in the right light. However, the value of any music video lies in the director's ability to create an utterly special space: the video simulates a situation that, apparently, is impossible to recreate. "We insist that neither you nor anyone else attempt to recreate or perform anything you have seen" is the title that precedes Justice vs. Simian's famous video "We Are Your Friends", which is a series of stunts stretched out over two and a half minutes.

It is all the more surprising, then, that despite such warnings, the numbers of those wanting to recreate such things continue to grow. The practice of reenacting music videos was most likely first mastered by ordinary viewers in India. At the turn of the millennia, a huge number of Bollywood musicals were filmed in Switzerland. Because of the war in Kashmir, the shooting of a many Bollywood musicals had to be moved to this European country, whose landscapes, especially around Bern, reminded directors and audiences of Kashmir, a traditional location for cinematic dance scenes referring to Hindu mythology. Soon, residents of Bern grew accustomed to the sight of large groups of tourists recreating complicated chorographical numbers from the most popular films in their streets. This, in turn, was thematized by the next echelon of Indian filmmakers.

Постепенно реэнэктмент становится массовым явлением. Больше всего везет космической саге «Звездные войны», в которой бедность сюжета и диалогов компенсируется богатством декораций и обилием сувениров, созданных по мотивам произведения. Если не ошибаюсь, «Звездные войны» — это первый фильм, в котором доходы от продажи сувениров превысили доходы собственно от проката. Немудреную сагу Лукаса воспроизводят в детских спальнях, на производстве и даже при помощи фигурок из «Lego».

The reenactment has gradually become a mass phenomenon. The big winner in this respect has been the space saga Star Wars, in which the poverty of plot and dialogue is compensated by a wealth of scenery and the abundance of souvenirs based on the film. If I am not mistaken, Star Wars was the first film whose souvenir sales actually exceeded its box office receipts. It is no wonder that George Lucas's saga has been reproduced in children's bedrooms, in the workplace, and even using Lego figures.

Реэнэктмент сам становится темой киноискусства. Сначала в одной из сцен у Кустрицы в «Аризонской мечте» главный герой мучительно воспроизводит битву Кэри Гранта с кукурузником из «К северу через северо-запад» Хичкока. Затем реэнэктмент становится темой целого фильма, как у Мишеля Гондри в «Перемотке», где весь сюжет строится вокруг «пересъемки» сотрудниками провинциального видеосалона «Охотников за привидениями» и других фильмов.

Reenactment itself has become a subject of cinema. First, in a scene in Kusturica's Arizona Dream in which the main character agonizingly recreates Cary Grant's battle with the crop duster from Alfred Hitchcock's North by Northwest. Reenactment then becomes the subject of an entire film, as in Michel Gondry's Be Kind Rewind, where the whole plot is built around "remakes" of Ghostbusters and other films produced by employees of a video rental store.

В этом ключе массовые реэнэктменты видеоклипов среднеазиатскими рабочими на крышах Москвы и перуанскими — среди горных пейзажей, на первый взгляд, лишь следуют общей тенденции. Человек, который повторяет движения условной Бритни Спирс, подобен Фоме Неверующему, влагающему персты в раны Иисуса: он пытается удостовериться в подлинности божества и приблизить к себе магическую реальность видеоклипа. Он буквально пытается нарушить запрет, данный нам в начальных титрах, и «повторить это в домашних условиях». Борис Гройс считает, что именно так происходит обновление в искусстве: через десакрализацию сакрального и валоризацию профанного. (Б. Гройс «Утопия и обмен».) С другой стороны, в контексте современного полурабовладельческого общества, в котором гастарбайтер не имеет никаких прав, всеобщее увлечение реэнэктментом становится мощным социальным жестом. Узбекские и латиноамериканские строители, танцующие на крышах и играющие на пенопластовых гитарах, как будто говорят нам: «Мы отказываемся быть невидимыми. Мы существуем. И мы ничем не хуже медийных богов, созданных тем обществом, которое нас унижает». И действительно, иногда они лучше.

In this vein, the mass reenactments of music videos by Central Asian migrant workers on the rooftops of Moscow and Peruvian workers amidst mountainous landscapes seem, at first sight, merely in line with the overall trend. The person who reproduces the movements of some Britney Spears or other is similar to Saint Thomas putting his fingers in Jesus's wounds: they are trying to verify the deity's authenticity and bring the magical reality of the music video closer to them. They literally attempt to violate the warning given to us in the opening credits and "try it at home." Boris Groys argues that this is how art is renewed: by desacralizing the sacred and valorizing the profane. On the other hand, in the context of the modern quasi-slave society in which the migrant worker has no rights, the reenactment stands as powerful social gesture. Dancing on rooftops and strumming on styrofoam guitars, the Uzbek and Latin American construction workers seemingly say to us, "We refuse to be invisible. We exist. And we are no worse than the media gods created by the society that degrades us." Indeed, sometimes they are better.

Middleman:
Can't seem to find a job,
Brother? I can help you!

Middleman:
He's going to work for
me non-stop! I've got his
passport.

Migrant:
We are grateful to Russia
and to Russians for giving
us the opportunity to feed
our families!

Migrant:
Brothers, don't come
here! One should live
and work at home!

Private agent:
Your work permit isn't
ready yet. Call back in
two weeks!

140,000 rubles

**FEDERAL MIGRATION
SERVICE**

*Federal Migration Service
employee:*
We are going to regulate
migration NOW!

Out-Sourcing company:
Job Placement
• Chain-stores
• Service industry
• Construction

ТРУДОУСТРОЙСТВО
* СЕТЕВЫЕ МАГАЗИНЫ
* СФЕРА УСЛУГ
* СТРОЙКА

АУТСОРСИНГ

Мы предлагаем:
- ЮРИДИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ;
- ПОВЫШЕНИЕ ПРОИЗВОДИ-
ТЕЛЬНОСТИ ТРУДА;
- ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ
СОЦИАЛЬНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ
ПЕРЕД СОТРУДНИКАМИ,
- УПЛАТУ НАЛОГОВ ПО
УПРОЩЕННОЙ СХЕМЕ!

Out-Sourcing company employee:
We offer:
- legal protection
- labor and production increase
- release from any social obligations
for employees
- tax exemptions and loop-holes!

Modernisation and Tradition
Car Wash

Businessman:
Our economy is booming!

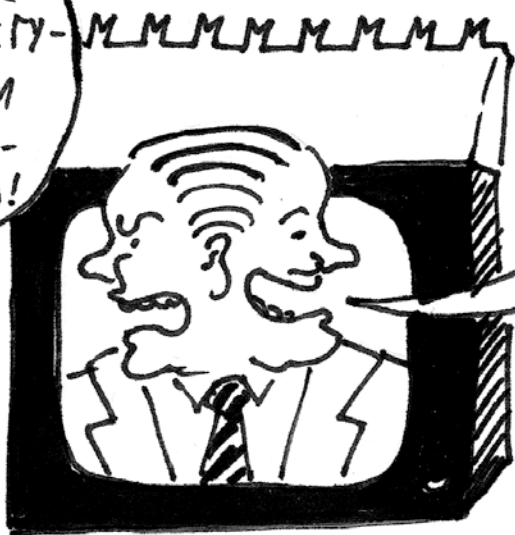
**НАША
ЭКОНОМИКА
РАЗВИВА-
ЕТСЯ!**

Politician:
We have an obligation to
our own citizens to provide
them with jobs and social
protection!

**В ПЕРВУЮ
ОЧЕРЕДЬ МЫ
ДОЛЖНЫ ОБЕСПЕЧИТЬ
РАБОТОЙ И
СОЦИАЛЬНЫМИ
ГАРАНТИЯМИ
НАШИХ
ГРАЖДАН!**

**РАБОЧИЙ
ДЕНЬ
ЗАКОНЧЕН
!!!**

**СЕЙЧАС
МЫ УРЕГУ-
ЛИРУЕМ
МИГРА-
ЦИЮ!**

*Federal Migration Service
employee:*

We're closed for today!

Our quota won't allow any more
applications!

Пока мы без устали работали над новым выпуском, участники конкурса делились впечатлениями от собственной работы в России...

While we worked tirelessly on this new issue, contest participants shared with us their personal experiences of working in Russia...

УСПЕШНЫЙ РОССИЯНИН 11 МЕСЯЦЕВ РАБОТАЕТ ДОМА И 1 МЕСЯЦ ОТДЫХАЕТ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

УСПЕШНЫЙ ЖИТЕЛЬ СНГ 11 МЕСЯЦЕВ РАБОТАЕТ В РОССИИ И 1 МЕСЯЦ ОТДЫХАЕТ ДОМА.

THE AVERAGE RUSSIAN WORKER SPENDS 11 MONTHS OF THE YEAR AT HOME WORKING AND ONE MONTH ON VACATION ABROAD.

THE AVERAGE WORKER FROM THE FORMER SOVIET REPUBLICS SPENDS 11 MONTHS OF THE YEAR IN RUSSIA WORKING AND ONE MONTH OF THE YEAR AT HOME ON VACATION.

"Why is the Federal Migration Service such a painful subject for you?"

А ЧТО —
УФМС —
ТАКАЯ
БОЛЕЗНЕННАЯ
ТЕМА?

RUSSIAN WORKER: OH NO! MY BOSS TOLD ME I HAVE TO COME TO WORK THIS SATURDAY!

MIGRANT WORKER: OH NO! THEY TOLD ME NOT TO COME IN TO WORK THIS SUNDAY!

— HELLO THERE, LITTLE BOY! WHAT DO YOU WANT TO DO WHEN YOU GROW UP?
— WHEN I GROW UP I WANT TO GO TO RUSSIA!

РОССИЯНИН: ВОТ ДОСАДА! ПРИДЕТСЯ В ЭТУ СУББОТУ ТОЖЕ РАБОТАТЬ!

МИГРАНТ: ВОТ ДОСАДА! В ЭТО ВОСКРЕСЕНЬЕ РАБОТЫ НЕ БУДЕТ!

— МАЛЬЧИК, ЧЕМ ТЫ ХОЧЕШЬ ЗАНИМАТЬСЯ, КОГДА ВЫРАСТЕШЬ?
— ПОЕХАТЬ В РОССИЮ.

УЗБЕК — ЭТО НЕ НАЦИОНАЛЬНОСТЬ,
УЗБЕК — ЭТО ПРОФЕССИЯ

"Uzbek isn't a nationality, it's a profession!"

Интервью с Илхамжаном Абдукахаровым

– Прежде всего, извините за ошибки на русском, потому что я еще плохо знаю русский язык.

– Расскажите немного о себе. Кто Вы по профессии? Откуда Вы?

– Я – Абдукахаров Илхамжан (или просто Ильхом), родился и вырос в городе Ош, в Киргизии. Закончил факультет журналистики Ошского государственного университета. Как закончил в 2002 году ОшГУ, сразу же стал работать на телевидении. Почему я выбрал именно телевидение? Наверное, потому что можно сразу получить отклик на свой информационный продукт: видишь, как оценивают люди твой репортаж. Вообще, я хотел быть врачом. Я шел к этой цели. У меня мама химик-биолог, поэтому я неплохо знал те науки, без которых не обойтись будущему медику. Но вышло так, что с первой попытки я на медфак не попал. Знакомая моей мамы предложила поступить на отделение журналистики на ОшГУ, чтобы не терять времени зря. Я подал документы. Был зачислен. Спустя год родители сказали: «Ну все, погулял и хватит. Давай заново на медфак». Но я отказался – втянулся в новое для себя дело. Журналистика, куда волей судьбы я попал, крепко держала меня в своих руках.

– Как давно Вы работаете в России? Чем здесь занимаетесь?

– Я нахожусь в Москве пять лет. В 2010-м в моем родном городе произошли межэтнические столкновения (Имеются в виду столкновения между узбеками и киргизами в г. Ош 10 – 13 июня 2010 г.). После этих событий наш канал закрыли, и я сразу приехал в Москву. Работал грузчиком, курьером, официантом. На данный момент работаю в гостинице.

– Как началось Ваше сотрудничество со Всеволодом Лисовским и участие в спектаклях?

– Очень просто. Узнал благодаря странице проекта «Акын-Опера», позвонил по указанным там номерам и попал на Всеволода. После удачного для меня кастинга присоединился. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить режиссёра Всеволода за сотрудничество с мигрантами.

– Что Вам дает участие в спектаклях?

– Во-первых, я вижу, что могу продолжить заниматься творческой деятельностью. Во-вторых, культурно-воспитательное значение: мигранты, которые играют роль в театре, – у них есть еще и духовные интересы. Иначе они бы не пришли сюда. В том числе и я.

– Как удаётся совмещать заработок и выступления?

– В Москве жить трудно, особенно мигрантам. Я очень много работаю даже в день спектакля. Всегда прихожу

за час до начала. И надо слышать «выражения» режиссера за опоздания, но я с душой отношусь к театру и когда вижу реакцию зрителей, я всё забываю. Именно после спектакля, а не во время репетиций, я получаю огромное духовное удовольствие. Хотя и сильно устаю.

– Как часто Вы выступаете? Получаете ли Вы какие-то гонорары за участие в спектаклях? Если не секрет, то сколько? Существенные ли это для Вас деньги?

– Выступаем раз в месяц. Гонорар получаем в обязательном порядке. Сумма зависит от зрителей, от 1000 до 5000. Знаете, в спектаклях участвуют не простые мигранты, а творческие люди, готовые выступать и без денег, пусть и не всегда.

– Известны ли Вам случаи участия Ваших друзей, приятелей, знакомых, родственников в каких-то иных проектах, помимо «Акын-Оперы»?

– Именно в Москве друзей и знакомых, увлекающихся искусствами, у меня мало, и подробно про них рассказать я ничего не могу. Но я сам недавно поучаствовал в выставке «Exhibit B» южноафриканского художника Брэтта Бэйли, которую в прошлом году привезли в Москву на фестиваль «Территория». У меня есть желание попробовать себя еще в каких-нибудь проектах.

– А занимаетесь ли Вы еще какой-либо творческой деятельностью?

– Свободного времени почти нет, но когда я освобождаюсь, то продолжаю писать книгу про себя. Пока что она называется «Сны, которые я увидел в Москве».

– Рассказы, которые Вы пишете, – автобиографические?

– Да, правда, это автобиография. В основном это монологи: в них я своими словами рассказываю о приключениях мигрантов. Конечно, главный герой в рассказах – я сам.

– Имеет ли трудовой мигрант возможность заниматься искусством? Какое искусство это может быть?

– А почему бы и нет? Например, я такой человек! Выбрал для себя театр. А кто-то поет песни. Есть слова, что искусство, как природа: если вы не пустите его в дверь, оно войдет в окно. Доказательство тому – «Бетончилар». Еще я бы хотел сказать, что среди мигрантов есть очень много одаренных людей, настоящих мастеров, культурных людей, но их очень трудно разглядеть, распознать. Перед вашими глазами эти люди ходят спокойно, осторожно. Ведь они быстро приспосабливаются к здешней жизни.

– Хотелось бы подробнее узнать о том, как реагирует зритель на спектакли. Может быть, Вам запомнился какой-то отзыв или характерный случай?

– В прошлом году я рассказывал печальный монолог про детей киргизских мигрантов, которые растут без родителей. Назывался он «Маленькая Сетора». Я видел, как зрители в зале плакали. Действительно, многим приходится оставлять своих детей с бабушками и дедушками, уезжая за рубеж, а иногда детям приходится заботиться о себе самостоятельно.

– Какой Вам видится Москва и люди в ней?

– Москва – город богачей и бедных, самый спокойный и самый рискованный, город передовых законов и город мошенников. И, конечно, это наш город, город мигрантов.

The Interview With Ilhamjan Abdukaharov

– Before we begin I must apologise for my mistakes in Russian, my Russian is still very poor.

– Tell me something about yourself. What do you do? Where are you from?

– I am Abdukaharov Ilhamjan (or just Ilhom), I was born and grew up in the city of Osh in Kyrgyzstan. I graduated from the Journalism Department of Osh State University. Right after graduation I started working at a television station. You're probably wondering why I chose television. I guess it's because with television, you get an immediate reaction to your informational product: you see what the public thinks of your reporting. Actually, I always dreamed of being a doctor. I strove toward that goal. My mother is a bio-chemist, so I had a pretty good understanding of the sciences every medical student must know. But I didn't get into med school on my first try. Then, a friend of my mother's suggested I try getting into the Journalism faculty at Osh State University so as not to waste time. So, I applied and was accepted. A year later my parents said "That's enough of that, you have to apply to medical school again". But I refused, because I was interested in the subject that I was studying, it was new and interesting to me. It was a chance of fate that brought me to journalism, but once I had begun, it took hold of me completely.

– How long have you been working in Russia? What do you do here?

– I have been in Moscow for five years now. In 2010 there were interethnic clashes in my hometown. (This is a reference to the clashes between Uzbeks and Kyrgyz that took place in the city of Osh from the 10th to the 13th of June 2010) After these events our station was shut down, and I left immediately for Moscow. I worked as a mover, a courier, and a waiter. Presently, I work at a hotel.

– How did you start working with Vsevolod Lisovsky and acting in the theater?

– Actually, it was pretty simple. I found out about him through a leaflet about the Aqyn-Opera project, called up the phone numbers, and ended up eventually meeting Vsevolod. I got through the casting process successfully and joined the project. If I may, I would like to take this opportunity to thank the director, Vsevolod, for the work he does with migrants.

– What do you get out of your theater work?

– First and foremost it is the possibility to continue doing creative work. Also, I think it has cultural and educational value: the migrants who work with the theater have spiritual interests, if you know what I mean. Otherwise they wouldn't be there. And the same goes for me.

– How are you able to combine work and performances?

– Life in Moscow is hard, especially for migrants. I work hard, even on the day of a performance. I always arrive an hour before the play starts. And sometimes the director expresses his "feelings" about tardiness. But I love the theater with all my soul, and when I see the audience's reaction, I forget about everything else. I get such emotional pleasure out of performing. I don't feel that way about rehearsals though. But I do get tired out sometimes.

– How often do you perform? Do you receive any wages for your participation in the theater? I hope you don't mind my asking, but how much do you make? Does the money make a difference in your life?

– We perform once a month. And they pay us regularly. The sum depends on the

audience, from 1000 to 5000 roubles. You see, the migrants who participate in the play aren't just simple folks, they are art lovers. That is why we could perform for free; but we can't do that all the time.

– Are any of your friends, colleagues, or family members associated with other projects, besides Aqyn-Opera?

– I don't have many friends or acquaintances in Moscow who are interested in the arts, so I really can't say. But recently I worked with South African artist Brett Bailey in his project "Exhibit B," which came to Moscow last year as part of the Territory Festival. I would greatly enjoy trying my hand at more projects of this nature.

– Are you involved in any other creative work?

– I hardly have any free time. But when I do, I continue to work on a book I am writing about my life. The working title is Dreams I Dreamt In Moscow.

– Are the stories that you write autobiographical?

– Yes, I suppose you could say that. Although for the most part it is made up of monologues in which I talk about the experiences of migrants. Of course, I am the main character in the stories.

– Is it possible for a migrant laborer to work as artist at the same time? What sort of art should it be?

– Why not? This is who I am. I chose the theater. Some people like singing. A wise man once said that art is like nature, if you don't let it in the door, it will come in through the window. The Betonchilaar Band is proof of that. Also, I must say that there are many gifted people amongst the migrants, great specialists and cultured people; but it is hard to see who they are, to recognise them. They are very discreet, very cautious, when they know you are watching them. After all, they adjust quickly to life here.

– Could you tell me more about audience reactions to the play? Something someone said, or something that stuck in your memory?

– Last year I did a sad monologue about the children of Kyrgyz immigrants who grow up without their parents. It was called "Little Setora." I saw people in the audience crying. And it's true, so many people have to leave their children with grandparents in order to look for work abroad, and sometimes the children are left all alone to fend for themselves.

– What do you think about Moscow and the people who live there?

– Moscow is a city of rich and poor people, of calm folks and shady characters, a just city and a city of swindlers. And of course, it is our city, a city of migrants.

Инертный человек

Илхамжан Абдукахаров

В жизни мы встречаем разных характерных людей. Среди них есть инертные. Инертные люди – они неподвижные. Инертные люди не хотят что-либо менять в своей жизни. Самое главное, они очень ленивые. По этой причине они всегда сталкиваются с проблемами. Откуда я всё это знаю? Потому что мой друг был по характеру инертным. Мы с ним познакомились здесь, в Москве. Он по профессии был хлебопёком. Таких людей у нас уважают, потому что они каждый день встают на заре и до рассвета готовят горячие лепёшки.

Но, к сожалению, в 2010 году у нас в городе Ош произошли межэтнические столкновения. Злобные люди сожгли их дома. Поэтому, отделившись от повседневного существования, сюда пришли, чтобы зарабатывать и восстановить дом.

Итак, 2011 год. Я работаю на колбасном заводе в Москве. У меня была возможность свободно ходить по цеху.

На производстве я увидел очень странного человека.

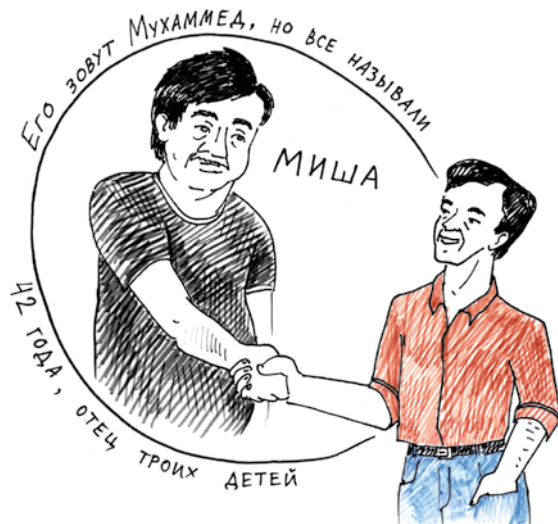
Я сразу понял, что он – инертный человек.

Author: "I knew immediately that he was an inert person."

Вот на его пути появились бригады. Я думал, что он видел их, но нет. А я сам не успел остановить его, и он сильным ударом свалил бригадира. Бедный бригадир обошелся легким ушибом, но этот странный человек достаточно много получил.

The factory managers crossed his path. I was sure he had noticed them, but it turned out he hadn't. I didn't even have time to warn him; he knocked into one of the factory managers really hard. The hapless factory manager was alright, he had a little bruise. But the strange fellow got a pretty good socking for it.

Потом я специально пошёл к нему, чтобы познакомиться.

Его зовут Мухаммед, но все называли МИША
42 года, отец троих детей

Author: "His name is Muhammad, but everybody calls him Misha. He is 42 years old, father of three."

Потом мы с Мишей работали на другом месте. Продавали мороженое в одном из московских парков. Миша после меня устроился. Первые дни на работе Мишу все уважали. Потому что он выглядел так, как должен выглядеть аккуратный, вежливый человек. Конечно, уважение к Мише продолжалось около недели. Потом всё началось наоборот: Мишу только ругали. Почему? А потому, что он инертный человек; и где бы он ни появился, там одни неприятности, ЧП.

Later, Misha and I worked at another place together. We sold ice cream at a Moscow park. Misha got his job there after I did. The first few days, everybody seemed to like him and get along with him. I think it's because he looked clean-cut and polite. But this good feeling lasted no more than a week. Suddenly, everything seemed to go in the opposite direction and all anybody did was scold him. Why, you ask? Because he is an inert person. No matter where he goes, he always manages to get into a jam, and trouble is soon to follow.

People: "Misha! Careful the brakes are bad!"

Misha: "Make way! Make way! Get out of the way, my brakes aren't working!"

Парк. Прилавки с мороженым пустуют. Мы вместе с продавщицей ждём товары.

Прохладные напитки и мороженое должен привезти нам грузчик Миша на велосипеде.

One day at the park, the ice cream counters were almost bare. I was with the other salespeople, waiting for a delivery.

Misha was supposed to deliver us cold drinks and ice cream on a bicycle.

2011 год, август месяц. Сильный ветер дует. Мы сразу отправились по точкам, чтобы отпустить зонты. Если мы не отпустим зонты, то ветер легко перевернёт холодильники и прилавки. Мы распределялись, кто куда пойдёт.

– А где мой напарник Миша? – спрашивает Боря и начинает искать.

Author: "This is our storekeeper, Galya."
Galya: "Dammit! Good-for-nothing vagrant! Where the heck is he?"
By the way, if she really gets flustered, she starts swearing.

В это время на улице послышался треск. Мы сразу вышли на улицу. Увидели, что биотуалеты упали.

– Ой, Миша! – Боря схватил руками свою голову. – Ведь он в туалете был.

– Что?! Ой, Боже мой, а ну-ка помогите быстрее! – Галя возмутилась и всех ребят позвала назад.

– Миша! Ты где?! – кричал Боря. Тот не отвечает.

– Конечно, он не отвечает, если он без сознания лежит! – крикнула Галя. – Чего вы стоите! Поднимите быстрее!

Мы начали поднимать кабинки. Боря зовет нас: «Ребята, вот этот тяжелее других, может, он здесь?». Раз, два, три! Подняли. Нету? Посмотрели все кабинки – не нашли! Его там нет!

Все молчали.

Вдруг видим, на той стороне стоит Миша и говорит спокойно: «Ой, ребята, туалеты упали?».

All of a sudden, we heard a crash outside, we rushed out only to find that the portable toilets had fallen over.

"Oh, poor Misha!" cried Borya, clutching his head "He must have been inside the toilet!"

"Oh no! My lord, come on, we've got to help him!" Galya was scared, she called everyone over.

"Misha, where are you?" called Borya, but there was no answer.

"Of course he's not answering, he's probably been knocked unconscious!" cried Galya. "Don't just stand there! Let's lift up the cabins!"

We started lifting the cabins and then Borya called out to us, "Hey, guys, this one's heavier than the others, maybe he's in here?" One, Two, Three, we got it up. But he wasn't in there, we checked all of the cabins. He wasn't anywhere to be found!

Everyone was quiet.

All of a sudden we see Misha calmly crossing the street walking toward us: "Hey guys, what's up? Did the portable toilets fall over?"

Галя хмурила брови. Видно, что сейчас с её лица капает яд. Она начала злиться, самое главное, не забыла матом ругаться.

Все равно мы побежали по точкам, но три точки уже не успели: от сильного ветра продукция везде лежала на земле.

Кто виноват? Конечно, инертный человек – Миша!

После этого случая Мишу уволили. Он, несмотря на такой инцидент, хотел остаться на работе. Он вечером подошел ко мне и попросил, чтобы я уговорил начальника. Я обратился к Галине Викторовне: «Я всю ответственность беру на себя. Только согласитесь! Он на самом деле неплохой!». Она согласилась. Я хотел обрадовать Мишу приятным известием, но он даже не обратил внимания. Он прислонился к дереву и о чем-то думал.

– Миша, почему ты грустишь? Ведь тебя не уволили!

– Я не поэтому... Он прочистил горло, начал говорить с отчаянием: «Скажи, пожалуйста, почему все неприятности со мной происходят? Почему я неудачник?! Если скажут, что в мире есть только два несчастливых человека, то один из них – это я».

– Почему так говоришь! Ты хороший человек. Просто твой характер не позволяет того, что ты хочешь. Ведь ты отец троих детей. Старшая дочь на филологическом факультете учится.

– Да, кстати, дочка мне сегодня кое-что сказать хотела!

Он немного оживился. Быстро позвонил дочке и начал говорить. Специально включил громкую связь.

Galya: "Where the hell were you?"
Misha: "I was just taking a walk..."

Misha: "My good little girl, what are you up to? How is everything?"

His daughter: "Daddy, I'm so sorry I didn't tell you, but I am getting married next week!"

Misha: "Why didn't you tell me?"

It was the year 2011, in the month of August, and a strong wind was blowing. We were supposed to head to all of the salespoints and let down all of the umbrellas. If we don't let them down, then the wind would knock over the counters and refrigerators. We were deciding on who should go.

"Where's your partner Misha?" asked Borya, and he started looking around.

Galya frowned deeply. I could tell that she was about to sputter poisonous words. She was very angry, and she didn't forget to add a few curse words, either.

Well, we rushed to our salespoints but it was too late, the strong wind had already knocked over three of them and the produce was all over the ground.

Who's to blame? The inert person, Misha, of course.

After that incident Misha got fired. Despite the mishap, Misha wanted to stay on at the job. That evening he approached me and asked if I could talk the boss into letting him stay. So I asked Galina Viktorovna. I said "I'll take full responsibility for him. Only please, please let him stay. He didn't mean any harm!" Finally, she gave in. I wanted to tell Misha the good news, but when I did, he didn't pay any attention. He was leaning against the door and thinking about something.

"Misha, why are you sad? I got you your job back!"

"It's not that..." he cleared his throat and asked sadly "Why do these things always happen to me? Why am I such a failure? If someone said that there were only two losers in the whole wide world, I'm sure I'd be one of them."

"Don't say that! You are a good person. But your disposition won't allow you to get what you want. Still, you are a good father, you have three kids. And your oldest daughter is in the Linguistics Department of the University, that's something to be proud of!"

He got a little more animated, and immediately called up his daughter and started talking to her. He turned on speaker phone so that I could hear.

– Мама так решила! Она тоже не хотела...
– Дай маме телефон.
– Ты почему так поступила? Я тоже люблю дочку, – с возмущением сказал Миша жене.
– Извини за такое решение, у меня больше не было выбора: пока ты приедешь, купишь чего-нибудь... Лучше ты нам там нужен!
После этих слов Мише плохо стало. Я даже испугался: вдруг он с собой покончит. Я быстро начал думать.
– Миша, а хочешь, в день свадьбы мы с тобой организуем видеосвязь и непосредственно увидим, как проходит торжественное мероприятие?
– Разве это можно?
– Да, конечно, самый простой способ – это скайп.
Он повеселел.

День свадьбы. Мы с ребятами собрались на складе вокруг ноутбука, ждём звонка. Вдруг в комнату вошла наша кладовщица Галя.

Наконец-то связь появилась. Миша сразу начал знакомить нас со своими близкими.

– Вот за этим столом сидят мои друзья, а это моя тёща, рядом сидит моя жена, а это... (Миша чуть-чуть разволновался и начал говорить плаксивым голосом) моя дочь, бедная моя, любимая моя.

Неожиданно там начал говорить ведущий: «Сейчас у нас есть поздравления из Москвы. Отец невесты на связи!». Я подтолкнул локтем Мишу: «Говори, Миша, они ждут тебя!».

– Здравс... Здравствуйте, я... Я хотел бы поздравить... Дочка моя хорошая, извини, что я не рядом с тобой, прости, несчастный отец даже цветы не мог подарить... я люблю вас...

Миша глубоко вздохнул и больше ничего не говорил. Потому что он начал незаметно плакать.

Ведущий дал слово невесте. Она начала говорить, еле сдерживая слёзы: «Папа, я знаю, что ты добродушный, отзывчивый человек. Только ты не огорчайся, потому что ты уже всё сделал. Если бы ты не отправил денег нам, мы не могли бы организовать торжественное мероприятие. Знаешь что, для меня лучшая свадьба – это твоё присутствие, а не роскошное застолье. Хотя бы мы сидели за маленьким столом!». Вдруг сзади меня кто-то всхлипывает. Смотрю: это наша Галя. Я бы и не подумал, что она заплачет. А Миша встал и сразу побежал на улицу. Мы ничего не понимаем, что происходит. Через десять минут Миша вернулся, в руках у него были торт и шампанское.

– Ребята, я всегда считал себя неудачником, а оказывается, это не так. Я самый счастливый человек в мире. Потому что меня любит моя семья, моя дочь.

Мы открыли шампанское и отметили свадьбу Мишиной дочери.

“Mom said it would be better that way. She didn’t mean any—”

“Put your Mother on the phone.”

“How could you do this? Don’t you know I love our daughter too?” Misha said to his wife with indignation.

“I’m sorry it had to happen like this, but I didn’t have any other choice. You would have had to make the journey back here; and then buying all those gifts... This way is better, we need you there!”

Upon hearing this, Misha grew pale and looked ill. I was frightened he might try taking his own life. I started to think fast.

“Misha, if you want, on the day of the wedding we can organise a video call so that we can see the celebration taking place!”

“Really?”

“Yes, the easiest way to do it is on Skype.”

He brightened.

Galya: “Misha, a father-in-law should look nice and spiffy. Brush your hair and put on a clean shirt.”

Misha had a black t-shirt that was almost new. He wore it everyday, and so it grew faded from the sun’s warmth. Galya gave him a fresh white t-shirt to wear.

On the day of the wedding, we gathered around the laptop in the warehouse with the rest of the guys. We were waiting for the call to come through. Just then, our storekeeper, Galya entered.

Finally, we got a connection and Misha started introducing us to all the people who are dear to him.

“Those are my friends sitting over at that table and that is my mother-in-law. Next to her is my wife, and this—(here, Misha’s voice trembled and became thin)—this is my daughter, my poor sweet lovely little girl.”

All of a sudden the master of ceremonies announced, “And now, we have well-wishers all the way from Moscow! We have the father of the bride on the line!”

I nudged Misha. “Say something, Misha, they’re waiting!”

“Um, hello, I... I would like to send my best wishes and... My dear Daughter, please forgive me for not being there with you. Forgive your Dad for not even getting you flowers... I love you all so much...”

Misha took a deep breath and didn’t say anything else, because he had started to cry quietly.

The master of ceremonies called on the bride. She started speaking, hardly able to hold back tears herself, “Daddy, I know you are a kind and caring person. Please don’t be upset, you have already done everything for me. If you hadn’t sent us money, why, we would never have been able to have this wonderful wedding. For me, the best wedding would be having you here with us, even if it meant having nothing to eat at all!”

At that, I heard someone let out a sob behind me. I looked back and saw it was our Galya. I never expected that from her. And Misha got up and rushed outside. We didn’t know what was going on. Ten minutes later, Misha came back carrying a cake and champagne.

“Guys,” he said “I always thought of myself as a failure, but it turns out that’s not true. I am the luckiest guy on earth. Because my family and my daughter love me.”

We opened the champagne and celebrated his daughter’s wedding.

Команда:
Анна Биткина, Мария Вейц (кураторское объединение ТОК) – организаторы

Ольга Житлина – художник, редактор

Андрей Лосич – дизайн, верстка

Игорь Кравчук – редактор, корректор

Роман Ос(ь)минкин – поэт

Томас Кэмпбелл, Джордж Тач – переводчики

Екатерина Сытник, Мария Копытова – фотографы

Анна Терешкина – художник, иллюстратор

Егор Шмонин, Дмитрий Модель – видеосъемка

Андрей Якимов – эксперт по защите прав мигрантов, антрополог

Участники конкурсов:

Айгуль Абдирасулова, Дилмурод Аминджанов, Тилло Ашуров, Нодира Вафоева, Лад Даракхвелидзе, Нана Лалаян, Виктория Ломаско, Шухрат Мансуров, Усман Машарипов, Эмили Ньюман, Джонатан Платт, Алишер Рахимов, Ирина Смирнова, Отабек Тураев, Сайридин Турдиев, Мухридин Тухтаев, Махмуджон Тухтаев, Сона Степанян, Наташа Хайруллина, Хазратали Хамидов, Абдурахим Хожиев, Кувончбек Хожиев, Олимжон Хожиев, Хасан Хохлов, Мухаммад Шамс, Хусан Ярбабаев, Мафтун Хамраева и другие

Отдельная благодарность:

Сергею Абашину, Дмитрию Воробьеву, Ольге Бредниковой, Ольге Ткач, Ангелине Саул, молодежному объединению «Йошлар»

Проект осуществлен при поддержке
Кёльнской Академии Искусств Мира
Санкт-Петербург 2014-2015

Production Team

Anna Bitkina and Maria Veits (Creative Association of Curators TOK) – organization

Olga Jitlina – art and editing

Andrei Losich – design and layout

Igor Kravchuk – editing and proofreading

Roman Osminkin – poetry

Thomas Campbell, George Thatch – translations

Ekaterina Sytnik, Maria Kopytova – photos

Anna Tereshkina – art and illustrations

Egor Shmonin and Dmitry Model – video

Andrei Yakimov – legal advice and editing, anthropologist

Nasreddin Hodja Joke Contestants

Aigul Abdirasulova, Dilmurod Amindjanov, Tillo Ashurov, Nodira Vafoeva, Lado Darakhvelidze, Nana Lalayan, Shukhrat Mansurov, Usman Masharipov, Emily Newman, Jonathan Platt, Alisher Rahimov, Irina Smirnova, Otabek Turaev, Sayriddin Turdiev, Muhridin Tukhtaev, Mahmudjon Tuhktaev, Sona Stepanyan, Natasha Khairullina, Hazrat Ali Hamidov, Abdulrahim Hojiev, Kuvonchbek Hojiev, Olimjon Hojiev, Hassan Khokhlov, Muhammad Shams, Husan Yarbabaev, Maftuna Hamraeva and everyone else

Acknowledgements

Sergei Abashin, Dmitry Vorobiev, Olga Brednikova, Olga Tkach, Angelina Saul, Yoshlar Youth Association

The project was implemented with supported from
the Academy of the Arts of the World, Cologne
Saint Petersburg, 2014-2015

Присылайте нам свои шутки, истории, рисунки, стихи в группу «Конкурс шутки Ходжи Насреддина» на сайте «Одноклассники» по адресу: <http://ok.ru/group/53137290100835>

Эта газета издана небольшим тиражом, и возможно, у авторов никогда не будет денег на переиздание. Не выбрасывайте ее! Прочли – отдайте другому!

Send your jokes, stories, drawings, and poems to the Nasreddin Hodja Joke Contestant page on Odnoklassniki: <http://ok.ru/group/53137290100835>

This newspaper has been published in a small print run, and we might not have the money to republish it. Don’t throw it away. Read it and pass it on!